

ТАТЬЯНА АЗОВСКАЯ

БЛАГОДАРЮ
СУДЬБУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЛЫН»

Алма-Ата

Азовская Татьяна.
А 35   Благодарю судьбу: Стихи.— Алма-
Ата: «Жалын», 1979.—32 с.

«Благодарю судьбу» — первый поэтический сборник Т. Азовской. Красота родного Урала, дела и думы сверстников, размышления о судьбах поэтического слова — таковы темы стихов молодой казахстанской поэтессы.

П $\frac{70303-173}{408(05)79}$ 223-79

Р

© Издательство «Жалын», 1979

◆

Чтоб рассказать вам о земле
моей —
и без чужой подсказки,
вам надо знать,
как в полумгле
рождались бабушкины сказки,
и как на вымытом полу
лежали дней морозных блики,
и — русской печки дар великий —
румяный хлеб несли к столу.
Как август был на счастье смел,
как обступали звезды крышу
вагончика,
но были ближе
глаза, что улыбались мне.

Тот край, где так легко дышать,
исполнен прочности и смысла.
Здесь бабы носят коромысла
с водой
и выверяют шаг.
И тем горжусь,
что я на них
до каждой черточки похожа.
Наш рот — упрямя,
и взор наш — тих.
Но, чур! —
не обманись, прохожий!
А что еще?
Любовь к земле?
— Не вымолвить —
тяжелый жребий...
Но для того,
чтоб видеть небо,
она необходима мне.

МАМА

Стареет мама.
И понятна мне
все более
ее заката прелесть,
когда все то,
что должно спеться,—
спелось,
и радость утра
радостна вдвойне.
Все более понятны мне
глаза,
они как будто
утопили солнце.
К ним суета
уже не прикоснется,
в них благодати неприметной
знак.
И, засияв морщинками,
с лица
ее улыбка
словно сгонит годы.
И скажет мама
молодо и гордо:
— А знаешь,
костью
ты пошла в отца!
Негромкого спокойствия полна,
своим особым колдовством
беззвучным
наклонится
над колыбелью внучки,
потом вздохнет:
— Ох, только б не война!

РОВЕСНИКАМ С ДАМАНСКОГО

Но почему нельзя забыть войны
мне,
никогда на той войне не бывшей?
Ведь в скорбной доле матерей погибших
нет участи моей
и нет вины.
Послевоенного рожденья миг,
где детство лазало тайком по крышам,
и я, гордясь доверием мальчишек,
отказывалась верить в мудрость книг,
в которых взрослый мир нас обвинял
в неподчинении канонам прошлым.
Но пробил час.
И вышла я на площадь,
где памятника поднят пьедестал.

Ровесники мои!
Когда анкет
немногочисленные заполняли строки,
еще не знала я,
как вы высб́ки,
взошедшие на этот постамент.
Уже наш май не улыбнется вам,
чтоб рассказать,
как белый свет удачлив.
И руки не поднимут детский мячик,
прильнувший так нечаянно к ногам.
И мне одной благодарить судьбу,
распутывая дней суровых нити.
За вас познать измены и открытия
и верить в счастье
по движенью губ.

**Но ваша жизнь навек вошла в мою,
как яркий миг прозрения и света,
как пониманье Родины.**

**А это
дает нам право
умереть в бою.**

В ТАРБАГАТАЕ

Моим друзьям по стройотряду

Корреспондентские дороги!
Прощай, надежда на уют!
Родители — опять в тревоге —
мою профессию клянут.
А я ору с шофером песни
про дикий, про угрюмый край.
Ревниво из-за скал отвесных
следит за мной Тарбагатай.
Он прячется за поворотом,
скрывает горизонта нить.
Лишь беркут в медленном полете
крылами зацепил зенит.
Но, уставая от погони,
азарта,
        юности,
        любви,
Тарбагатай свои ладони
вдруг распахнул перед людьми...

И —
узкий след каленой стали, —
ударом обнажив простор,
речушку малую оставил
в морщинах обожженных гор.
Она отчаянно глядела,
примериваясь к вышине.
Но — прыснула
и полетела
навстречу гибели
и мне.
С камнями спорила,
бранилась,

оставив пену на песке.
И молчаливой становилась,
и умещалась на руке
гортанной и степенной дали,
без имени —
с одной судьбой...

Ее никак не называли.
Для всех была она
водой!

В ГОСТЯХ НА ИРТЫШЕ

Найти в себе такую тишь
и притвориться невесомой,
чтоб вспомнить,
как течет Иртыш
вдоль берегов —
пустых и сонных.
Баржа лениво тянет плот,
его бока пропахли бором.
И солнца перезревший плод
за дальний лес сорвется скоро.
Какой домашний мир души!
И, не спеша, гордясь собою,
выносит женщина кувшин,
наполненный живой водою.
Заучены движенья рук.
А я смотрю на профиль тонкий,
в котором — взбалмошность девчонки
с усталой мудростью старух.
Она выводит тайный знак
на смуглой стенке запотевшей.
Но и самой не распознать,

как может он ее утешить.
Мы ничего не говорим —
сообщники ее творенья.
Лишь поминутно свет зари
меняет лик и настроенье.
Литого августа пора
нам тут оставила автограф.
И верю, что судьба добра,
что будет долгою дорога.
Травинку пробую на вкус —
предвестницу седой Сибири.
И кажется,
от этой шири
еще чуть-чуть —
и задохнусь!

НА ДЖАЙЛЯУ

Чокан
из племени аргынов
дарил мне степь.
И я брала.
Затем,
что равною была,
что в развороте крыл
орлиных
и в слабой дудке
камыша
умела слышать
голос крови.
Я б это назвала любовью,
но страх пред словом
мне мешал.
А неоседланные кони
нас уносили по тропе.
Мы словно бросились
в погоню,
еще не ведая —
за кем.
Стрела горизонтальных линий
была нацелена в зенит.
И, оторвавшись от земли,
мы попадали в яркий ливень
лучей и ветра.
— Догони!—
кричала степь.
А может, юность...
Но разноцветные огни
опять цветами обернулись.
И эхо, силой звонаря,
несло над степью
зов гортанный.

Чокан сказал:
— По-русски — Таня,
а по-казахски
ты — заря*.
В таком открытии великом
он был особо молодым.
А с пряным запахом
чилиги
уже сливался едкий дым
вечернего костра.
И юрта
неведомый узор кошмы
стелила под ноги.
И мудро
лохматый пес глядел,
как будто
он знал,
чего не знали мы.
А месяц профилем чеканным
над нашим стойбищем повис.
И снова бабушка Чокана
по чашкам разлила кумыс.

---

* Тан (каз.) — заря.

— Земля.

На чем лежит она?

— На мире, доченька,
на мире.

«Возьмемся миром»,—
говорили.

А на миру —

и смерть красна.

И в час несчастья,

как на суд,

шли к миру

и искали долю.

Шли так же просто,

как идут

к соседу

за щепотью соли.

— А мир на чем?

— Мир —

на любви.

На том, чтоб ты

спала спокойно,

чтоб игры детские твои

не перечеркивали войны.

И чтоб будил нас

крик птенца

под крышею родного дома,

мир держат добрые ладони

людей

и твоего отца.

— Ну, а любовь?

— Да на тебе,

мой несмышлениш беззащитный.

Ты за нее вступаешь в битвы

и пальчиком грозишь беде.
Ты каждый день ее творишь
своей улыбкою спросонок...
И шар земной
берет ребенок
в ручонки сильные свои.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

I

И требует зима:

— Рисуй!—

И, предлагая краски снега,
древнейшему из всех искусств
меня учить берется смело.

Как это просто:

глаз прищурить,

рассечь на радугу снега

и, вслушиваясь в птичий гам,
постичь ультрамарин и сурик.

Я вдохновенно белый свет

дарю веселым смехом красок.

Но все старания напрасны:

мой белый свет —

мой первый снег.

II

Снег —
снова спасение.
Снова спокойствие.
Раскрепощенье
от путаниц осени.

От пламени леса,
от пламени мыслей.
От памяти сердца,
заоблачной выси.

В ладони снежинки
не стынут, не тают.
Вся трепетность жизни
в прощанье,
в прощанье.

— Прощайте!—
прощаюсь.
— Прощайте!—
прощаю.
Навек ли расстались?—
На вечность, пожалуй.

Но в снеге прощенья,
но в снеге прощанья
кружатся
осенние
воспоминания.

**ЧИТАЯ
«ТРЕХ СЕСТЕР»**

Сестре Ольге

I

Как золотые эполеты,—
неистовое в удалстве —
свои ладони топит лето
в истосковавшейся листве.

Казалось, жизнь переменялась.
И в звуках полковой трубы
предвосхищение судьбы
отныне объявляло милость.

Закат вставал у изголовья,
он таял, но не отступал.
Что он оберегал?
Любовь ли?
Иль неба жаркого овал?

И бредили высоким звезды,
звенящие средь тишины.
И пахли ночи чем-то поздним.
И были так нежны, нужны,
но быстры...

И прощальной медью
трубы встревожен горизонт.
Стоял приговоренный к смерти
дерев осенних гарнизон...

II

Твержу сестре:
— Не плачь, не надо!
Пусть осень отведет беду...
Аллеи утреннего сада,
как в память,
за собой ведут.

Ей так знаком сигнал тревожный
последних перелетных стай.
И чем понятней невозможность,
тем горестней:
— Не улетай!

Ведь в том,
к чему душа стремится,
нам в рану обращая слух,
есть что-то от полета птицы,
когда он устремлен на юг.
Отговорить,
уйти,
умчаться
на край земли —
за рук предел!..
Сестра мне говорит о счастье,
случайно выпавшем в судьбе.

◆

Я думала:
разлука,—
где
непониманье хлопнет дверью,
и увеличит счет потерям,
и бросит злой укор судьбе,
когда устанет голова
от сочиненных монологов,
и боль отпустит понемногу,
и память обретет слова.

Я думала:
разлука там,
где суетных вокзалов скука.
И обреченно подан трап,
и поняли бессилье руки.
И человек готов уже
себя доверить встречам новым.
Недолгий смех игры почтовой,
как извиняющийся жест.

Так думала.
Но ты вошел
в мой дом,
уже и мной забытый.
Накрыт на две персоны стол,
и память,
как альбом, раскрыта.
Листая прошлого листы,
мы судим весело друг друга...
Когда я поняла разлуку,
разлуки не было.—
Был ты...

8 ОКТЯБРЯ

Октябрь, мой месяц!
Будь ко мне добрей!
Повремени отпраздновать потери!
И клином пролетевших журавлей
не торопись свою печаль измерить!

Я — часть твоя.
Листочек на ветру
сорвавшийся...
Как белый свет огромен!
Но вне тебя —
Я как в просторном доме,
где ждет хозяйку заскучавший круг.

Апрель пусть дразнит новизной пути
и август щедро преподносит гроздь
грозы и счастья.
Я недолгой гостьей
останусь там.
Мне вновь к тебе прийти.

К тебе,
кому не тяжела печаль
прощания и позднего прозренья,
где столько удивления в очах
пред красотой
тревожной и последней,
где не кончается твоя заря,
однажды отразившись в гулкой роще...
И не стыдишься
быть вольней и проще
под знаком твоего календаря.

МОЯ ФАМИЛИЯ

Какую шутку предок сотворил!—
привез туда,
где моря нет в помине,
обычай преступив,
не горсть земли,
а отзвук моря,
словно герб фамильный,
чтобы теперь,
когда я так горда
степенною повадкою казачки,
поверила в незыблемость родства
своей бессонницы
с разгулом качки.

Паденье, взлет!—
О эти «вверх» и «вниз»!
Азовская!—
А зов кого?—
Не помню...
Фамилия!
Мой вечный атавизм,
союз неравенства,
я — твой невольник.

И слезы эти — след твоей волны,
разбившей лоб в неподчиненье —
«Стихни!»
Во мне тобою соединены
степеней степенность
и восторг стихии.

◆

*«Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана...»*

А. С. Пушкин

...Мимо острова Буяна...

Обнимают этот остров
руки маленькой речушки,
что зовут Чаганом люди.
Обнимают торопливо —
так спешат с Уралом слиться
и уйти в соленый Каспий,
вспоминая в половодье
остров, ими сотворенный.

А на острове Буяне
вольно жить траве и птахе.
Только ветер, как на блюдца,
дует на цветы ромашек.
И, зардевшись от смущенья,
говорит шиповник ветру,
что над самою водою,
в бурой чаще краснотала,
сплел гнездо
ворчливый ремиз —
птица с детскую ладошку.

А от острова Буяна,
если в лодку сесть
и веслам
дать веселую работу —
разгребать речную заводь,
кланяясь кувшинкам встречным,
то смоленый нос уткнется
в золотой откос песчаный

и укажет на дорогу
к улице
с названьем грозным,
как и остров сам,—
Буяиной.

Здесь живет в высоком доме
тридцать полных
и три года
со старухой степенной
дед,
похожий на корягу.
Словно все дожди и ветры
по коре хлестали гладкой —
три войны и гибель сына
след оставили глубокий.

Дед с Чагана возвратится.
— Не поймал,—
старухе скажет,—
золотую рыбку.
Все же
я принес тебе подарок.
И протянет рукавичку
из сухих ивовых веток
и на лад старинный молвит:
— Ермизиное гнездо.

И старуха засмеется,
вспомнив давнее поверье,
что спасет от наговора,
злого глазу и напастий
тех, в чьем доме поселился
домик этой птички малой.
А потом ту рукавичку
в избу занесет,

повесит,—
где побелка стен тесовых
студит молодой румянец
солнечной вязанки лука.
И к воротам тихо выйдет,
на завалинку присядет,
бережно, как древний свиток,
на коленях сложит руки,
точно высохший пергамент,
что — прислушаться —
услышишь
шелестенье легких пальцев —
лет прошедших шелестенье.

А над улицей Буянной
медленный закат не хочет
поскорее окунуться
в воду,
чтоб остыть от зноя.
И старуха долго смотрит
на закат,
как будто в юность —
даль далекую,
которой
так же трудно возвратиться,
как пристать к речным откосам
кораблю под парусами,
что всегда проходит мимо.
...Мимо
острова
Буяна...